

Анастасия Волжская, Валерия Яблонцева

ТАЙНЫ ИЛЛИРИИ. ПАУК В ЯНТАРЕ
ТАЙНЫ ИЛЛИРИИ. БРАК С ЛЕТАЛЬНЫМ ИСХОДОМ
ТАЙНЫ ИЛЛИРИИ. БРАК С ПРАВОМ НА СЧАСТЬЕ
МАСКИ СБЕЖАВШЕЙ НЕВЕСТЫ

ГЛАВА 1

С самого рассвета дворец, только-только погрузившийся в сон после воскресного бала, встрепенулся, ошарашенный невероятной новостью. Она шепотом передавалась из уст в уста, кружила по галереям, где воцели паркет неутомимые служанки, влетала почтовым голубем в раскрытые окна секретарской, чтобы секунду спустя выпорхнуть из гостиной второго советника самого императора. Одни утверждали, что письмо привез мальчишка-посыльный, сын истопника, который, разумеется, ни одним глазком, но все-таки слышал, как *он* — да-да, тот самый *он* — запечатывая конверт, бранился вполголоса. Другие спорили, что видели в сером предрассветном небе магическую вспышку, а ведь никто, кроме *него* — да-да, именно *него*, — не был достаточно силен, чтобы пропустить вестника сквозь энергетический купол. Но в любом случае все сходились в одном.

Он возвращается.

Возвращается после медового месяца.

И через несколько дней его кортеж прибует к воротам императорского дворца.

Чудесная новость застала меня на кухне. Лорри — леди Лоррейн, младшая дочь графа Хенсли, при которой я исполняла роль компаньонки во время ее дебютного сезона, — любила принимать завтрак в постели и никому, кроме меня, не доверяла приготовление утренней чашки какао. Порция порошка, щепотка корицы, чуть-чуть имбиря и ровно три ложки сахара, ни больше ни меньше, добавлялись в теплую смесь молока и сливок. Служанки вечно что-нибудь путали, а я еще в первый месяц службы смогла подобрать идеальный рецепт и с тех пор неизменно радовала Лорри ее любимым напитком. За три недели, что мы провели на Дворцовом острове, кухарки привыкли к моему присутствию и спокойно пускали в святая святых — на императорскую кухню, изредка позволяя утащить заодно и сдобную булочку.

Но сегодня вместо привычного оживления с моим появлением воцарилась могильная тишина. Кухарки, прежде позволявшие себе поболтать с приближенной ко двору компаньонкой графской дочки, молча поджали губы в немом осуждении. Провожаемая тяжелыми взглядами, я тихо прошла к своему столику, где стояла банка какао-порошка и остальные ингредиенты. Молоко, уже подогретое, ждало на подносе рядом с завтраком леди Лоррейн. Обычно я сама смешивала его со сливками, но, кажется, в этот раз никто не горел желанием подпускать меня к огню. Будто знали...

Нет, тогда на кухне меня ждали бы уже не поварихи, а стража.

Или...

Кровь отхлынула от лица. Улучив момент, я будто невзначай поправила на шее атласную ленту с камнем силы, ловя взглядом слабый отблеск. Серебристый.

Свет был тусклым — все-таки маг воздуха из меня вышел так себе, — но главное, ровно такой, как надо. Можно было выдохнуть.

Но отчего же тогда добрые поварихи так переменялись ко мне всего за одну ночь?

Словно в ответ на мой немой вопрос, дверь кухни распахнулась настезь, впуская в душное помещение свежий воздух и младшего поваренка, прижимавшего к животу тыкву весом, наверное, в половину его самого. С верхней ступеньки лестницы видны были только тощие коленки, конопатые руки и рыжие вихры, торчавшие над зеленым черенком.

— Слышали?! — раздался взволнованный крик из-за тыквы. — Слышали?! Герцог Эдельберт Голден возвращается во дворец аккуратно к новому сезону! И вы не представляете, почему он вдруг решил прервать медовый месяц и вернуться! Его жена...

— Корин, тебе язык укоротить? — не дав поваренку закончить, оборвала его старшая кухарка. — Кончай болтать! Мастер Бестер уже заждался!

— Да я что, Кэти... — Тыквенное «тело» на тонких ножках увенчала вихрастая голова. — Я ж ничего. Я только поделиться заскочил, а ты в крик. Фу, скучная! Тут такое, тако-о-ое!

Мальчишка округлил глаза, обводя взглядом недовольных кухарок. И вдруг заметил меня.

— Ты! — Поваренок взмахнул рукой так активно, что едва не выронил тыкву. — Ты ж Вестерс! Еще одна! Ты ведь все знала, не поверю, чтоб не знала! Расскажи! Ну!

Увлеченный допросом, юный сплетник не обратил внимания на тучную фигуру, выросшую за его спиной. Мясистые пальцы с силой сомкнулись на оттопыренном ухе.

— Вот ты где, негодник! — прорычал старший повар. — К раздочному столу, живо! Суп сам себя не приготовит. А вы, — он грозно оглядел замерших кухарок, — за работу. Планировать прием по случаю приезда его сиятельства — не вашего ума дело.

Корин ушел, и выяснять подробности стало не у кого. Но главное я услышала: герцог со дня на день должен быть здесь. А значит, вместе с ним вернется ко двору и юная жена доверенного императорского советника. Леди Мэрион Голден, урожденная Вестерс.

Моя сестра-близнец.

Все внутри запело от счастья. Еще немного — и Мэр будет здесь. Моя дорогая Мэр, с которой мы почти всю жизнь были неразлучны.

Я не видела ее год — целый бесконечный год. Прошлой весной Мэрион удостоилась чести стать младшей фрейлиной самой Луноликой императрицы, тогда как мне удачно отыскалось место компаньонки молодой графини Хенсли, чей дебют при дворе ожидался лишь в следующем сезоне. Я была безутешна. Но Мэр, моя милая Мэр, утерла мои слезы.

— Все будет хорошо, Эверли, вот увидишь, — уверенно пообещала она. — Попасть в услужение к императрице — такой шанс выпадает раз в жизни. А потом года не пройдет, и ты снова будешь рядом со мной.

Фрейлина императрицы. А сейчас, подумать только, уже герцогиня. Настоящая леди. Я не попала на свадьбу — семейства Хенсли не было в числе приглашенных, но не один раз в полумраке тесной спальни перечитывала короткие строки письма Мэрион, воображая, как сестра, должно быть, была счастлива в тот день...

Теперь меня не трогали ни косые взгляды, ни перешептывания в дворцовых коридорах. Герцог Голден, обаятельный, сильный и облеченный невероятной властью, всегда был предметом разговоров как во дворце, так и далеко за его пределами. Увлеченный охотник, любитель азартных игр, дорогой выпивки и экзотических увеселений, лорд Голден, герой затяжной войны с Герией, прославившийся как один из самых беспощадных и свирепых офицеров, сегодня слыл первым затейником Айонской империи. О закрытых вечерах в его Доме удовольствий ходили легенды одна другой непристойнее. Ему завидовали мужчины,

а придворные дамы, от последней горничной до старой маркизы Бенуа, которая нянчила внуков еще при прежнем императоре, тайно сходили по нему с ума.

Вот только в любви герцогу катастрофически не везло. Не везло вплоть до прошлого сезона, когда он встретил Мэрион. Я была уверена: рядом с ней любой мужчина мог познать настоящее счастье.

Мурлыча под нос веселую песенку, которую в детстве пела Мэр, я легкой птичкой взлетела на третий этаж, где располагались покои высокородных дебютанток. Отыскала нужную дверь, перехватила поднос, постучала, предвкушая, как подеюсь с Лорри радостной новостью. Но вместо Марты, прислуживавшей с утра юной графине, дверь открыла леди Норра, гувернантка леди Хенсли.

— Стой, где стоишь, мисс Эверли Вестерс! — с раздражением проговорила она, выдергивая из моих рук поднос. Противно звякнули ложечки. Шапка густой темной пены сорвалась с края чашки и растеклась уродливым пятном по белоснежной салфетке. — С сегодняшнего дня тебе запрещено общаться с леди Хенсли. Это приказ.

Я растерянно моргнула, совершенно, абсолютно ничего не понимая. Да, леди Норра всегда меня недолюбливала, считая, что безродной выскочке не место рядом с высокородной леди. Но чем же я досадила Лорри, а то и вообще самому лорду Коулу, ее старшему брату, отвечавшему во время сезона за благополучие юной графини?

— Компаньонка, — наставительно проговорила гувернантка, не скрывая презрения, — должна представлять собой образец порядочности, рассудительности и добродетели. Видят боги, ты никогда не являлась ни тем, ни другим, ни третьим, раз вместо того, чтобы наставлять юную леди Лоррейн на путь истинный, потекаешь всем ее капризам. Но теперь-то наконец всем стала видна твоя порченная натура. После всего, что случилось, ни один уважающий род не потерпит тебя в своем доме. Ты вернешься туда, где самое место таким, как ты, — в работный дом. А то и куда похуже — вместе со своей беспутной сестрицей.

— Но... что вы такое говорите? — Я посмотрела на злорадную улыбку леди Норры, совершенно сбита с толку. — Я ничем не оскорбила вас, чтобы заслужить подобные обвинения. И Мэрион... Как вы посмели так отзываться о жене герцога?! Он скоро будет здесь, и не думаю, что ему понравится такое пренебрежение в отношении любимой супруги.

— Так ты не знаешь? — Губы гувернантки презрительно изогнулись. — Твоя обожаемая сестрица бросила своего сиятельного супруга прямо посреди медового месяца. Сбежала с каким-то конохом, презрев священные обеты и навеки опозорив и себя, и все семейство Вестерс, если вас, безродных оборванок, вообще можно так назвать. Его сиятельство лорд Голден возвращается для того, чтобы аннулировать брак.

— Что?

«Нет-нет-нет! — вихрем пронеслось в голове. — Нет-нет, это не может быть правдой! Кто угодно, только не моя Мэр!»

Мэрион не могла так поступить с мужем, которого любила. Последние ее письма, в противовес обычным суховатым посланиям, были преисполнены чувств и теплых слов о сиятельном женихе — как он заботлив, внимателен, чуток, как она жалеет, что меня не будет рядом в сладостный день ее свадьбы. Что же должно было случиться, чтобы Мэр решилась на побег?

Я готова была поверить во что угодно. Может, сестру оболгали или обманом втянули в скверную историю? Может, она похищена и в этот самый миг, пока я нежусь в тепле и довольстве, черный корабль увозит ее прочь с Дворцового острова? Но... почему тогда герцог возвращается сюда, вместо того чтобы искать пропавшую супругу? Почему оставил ее в беде, если любил?..

Если любил.

Неправильно! Как же все было неправильно!

Эмоции, отразившиеся на моем лице, вызвали у леди Норры злорадную улыбку.

— Тебе запрещено приближаться к леди Лоррейн, дабы юная графиня не подцепила дурных наклонностей, — повторила гувернантка, плечом оттесняя меня от дверей, ведущих в покои Лорри. И, видимо, чтобы раздавить окончательно, многозначительно добавила: — Лорд Хенсли ждет тебя для личного разговора. Немедленно.

В кабинет начальника императорской службы безопасности я шла на негнущихся ногах. От встречи с графом Коулом Хенсли, старшим сводным братом Лоррейн, я ожидала всего чего угодно — от позорного увольнения без рекомендательного письма до сырых и холодных тюремных застенков. По дворцу ходили слухи, что молодой лорд суров и скор на расправу, и по нашим редким столкновениям в родовом особняке Хенсли я была склонна согласиться с общим мнением. Хмурый, скупой в движениях, погруженный в свои мысли и вечно одетый в темное,

лорд Коул производил гнетущее впечатление, а камень силы, насыщенным аметистовым светом сияющий в булавке шейного платка, заставлял при встрече поспешно опускать взгляд, дабы не попасть под воздействие магии разума, которой наследник Хенсли владел в совершенстве.

Лорри, впрочем, была со мной решительно не согласна. Хоть она и знала сводного брата лишь немногим лучше меня, но для нее, любительницы приключений и сентиментальных дамских романов, мрачный образ графа был овеян романтическим ореолом героя. Подумать только, глава службы безопасности самого Солнцеликого императора! Как это, должно быть, захватывающе — знать все-все-все тайные входы и выходы, вычислять шпионов по одному только косому взгляду, перехватывать вражеские донесения, бродить по дворцу под покровом ночи в плаще с алой подкладкой, чтобы не видна была кровь недругов. Ох если бы только можно было уговорить брата взять ее, Лорри, на одну из его страшно секретных миссий! У нее даже черное платье в сундуке было припрятано, с разрезами — «стыд-то какой, Эв!» — до самого края подвязки. «Только никому не говори!..»

Я пообещала, что буду нема как могила. Истории о героическом брате, щедро приправленные фантазиями Лорри, меня и правда забавляли, однако тайн и сложностей в жизни хватало и без того, чтобы разгуливать по ночам в непристойном платье, выискивая государственных преступников. Обычно я старалась держаться подальше от пристального взгляда аметистовых глаз лорда Коула. Для бессменной компаньонки юной леди Лоррейн это было нетрудно: миры, в которых вращались брат и сестра, практически не пересекались.

Вот только сегодня однозначно был не мой день. Сначала вести о Мэрион, а теперь еще и это! Вызов к главе службы безопасности императора.

Кабинет, куда меня привели, оказался огромным и мрачным, точно пещера. Плотно задернутые шторы не пропускали ни единого лучика света. Три из четырех стен представляли собой один огромный шкаф с бесконечным количеством полочек и полок, на которых в кажущемся беспорядке теснились вперемешку письма, свитки, артефакты и книги в дорогих темных переплетах. А посередине кабинета, словно черный алтарь, выточенный из цельного куска горной породы, стоял заваленный документами стол размерами никак не меньше моей каморки. Настольная лампа, единственная во всей комнате, едва разгоня-

ла мрак в центре стола. Из-за груды бумаг слышался мерный скрип пера и шуршание страниц.

— Ваша светлость, — осторожно позвал страж, встретивший меня у восточной галереи, ведущей в деловую часть дворца, и сопроводивший к кабинету начальства. — Мисс Вестерс прибыла по вашему поручению.

Ответом ему был взмах руки над бумажной стопкой, вероятно означавший согласие.

— Две минуты.

— Конечно, милорд. — Страж поклонился бумажной стопке. — Ждите здесь, мисс, лорд Хенсли скоро вас примет.

Еще один взмах. Понятливо кивнув, страж щелкнул каблучками и удалился, заперев за моей спиной тяжелую дверь.

Вопреки всем правилам приличия, мы остались одни.

Граф Коул, совершенно неразличимый в полумраке за кипами бумаг, молчал, погруженный в невероятно важную и секретную работу, и я тоже не решилась сразу нарушить тишину. Стояла, глядя прямо перед собой, и не знала, куда деть неловкие от волнения руки.

Шуршали бумаги.

Скрипело перо.

Я мысленно досчитала до шестидесяти. Затем еще раз.

— Лорд Хенсли... — Никакой реакции. Набравшись храбрости, я повторила, на этот раз громче и увереннее: — Лорд Хенсли. Это Эверли, Эверли Вестерс. Вы хотели видеть меня?

На мгновение скрип умолк, но тут же продолжился снова.

— Лорд Хенсли, я прибыла по вашему приказу...

Бесполезно.

Я почувствовала, как внутри нарастает нервное напряжение. С момента, когда страж покинул кабинет, казалось, прошла вечность. Зачем нужно было требовать немедленного визита, чтобы потом не снизить даже до простого ответа?

Я обернулась на дверь — закрыта, беспомощно огляделась и сделала то единственное, что пришло в голову.

Поток яркого утреннего света хлынул в распахнутое окно, до неузнаваемости преобразив мрачный кабинет начальника дворцовой стражи. Посветлели стены, на позолоченных корешках книг и ярких гранях артефактов заиграли веселые блики, и даже стол, только что казавшийся каменным жертвенником, стал обыкновенным деревянным предметом мебели.

Перемены коснулись и хозяина комнаты. Подняв голову от письма, лорд Коул сощурился, устало потирая глаза. И наконец обратил внимание на меня:

— Прошу прощения.

— За что?

— За лишние... — он бросил короткий взгляд на часы, — тридцать семь секунд сверх условленных двух минут, которые я заставил вас ждать.

Лицо вспыхнуло.

— Просто... — Сухой, подчеркнуто деловой тон, с каким он произнес это, выбил меня из колеи, и я ляпнула первое же, что пришло в голову: — Какао для леди Лоррейн может остыть.

Сказала — и чуть язык не прикусила от осознания собственной глупости. Боги, что я несу?

— Весомая причина, — без тени улыбки откликнулся лорд Коул. — Что ж, дабы избежать этой несомненной катастрофы, буду краток. Садитесь.

Я отскочила от окна и буквально рухнула на стул для посетителей, надеясь, что на это у меня ушло не больше пяти секунд. Щеки пылали от стыда. И чего стоило еще минуту постоять спокойно?

— Надеюсь, вы понимаете, зачем вы здесь, мисс Вестерс?

Сглотнув поступивший к горлу сухой ком, я кивнула:

— Моя сестра...

— Верно, — подтвердил он. — Когда вы в последний раз видели ее?

«Прошлой весной», — хотела ответить я. Но, видимо, подхватила от графа неведомый вирус избыточной точности и зачем-то сказала:

— Пятнадцать месяцев назад, милорд, — подсчитала даты, добавила: — И семь дней. И...

— Достаточно. — Он остановил меня взмахом руки. — Вам известно, где она находилась все это время?

— Да, милорд, — несколько озадаченно ответила я. Вряд ли лорд Хенсли мог не знать об этом. — Большую часть года она провела здесь, на Дворцовом острове, а осенний сезон — в императорской резиденции в столице.

— В качестве фрейлины?

— Все верно, милорд. Как лучшая воспитанница пансиона Вест-холл она удостоилась чести быть принятой в свиту самой Луноликой императрицы. Мэрион мечтала об этом с самого первого дня учебы и усердно трудилась, чтобы получить при-

глашение. И она его полностью заслужила, будьте уверены. Мэрион — самая сообразительная, самая честная, самая милая девушка из всех, кого я только знаю.

— У вас теплые отношения с сестрой, — заметил лорд.

— Да, это так, — охотно согласилась я. — Она заботилась обо мне с тех пор, как мы осиротели. Мы никогда не расставались надолго — до последнего времени...

Поняв, что ступила на зыбкую почву, я замолчала.

— Вы регулярно вели переписку, где обсуждали некоего лорда, — будто и не заметив осечки, ровно продолжил лорд Хенсли. — Ваша сестра не называла его имени. Вы знаете, о ком идет речь?

ГЛАВА 2

Я застыла.

Граф не спрашивал, приходили ли мне письма. Не интересовался их содержанием. Единственный вопрос — известно ли мне, кем был упомянутый на страницах возлюбленный Мэрион, с головой выдавал неприглядную правду.

Мою комнату обыскивали. И конечно же нашли среди вещей сундучок с украшениями, оставшимися от матери, и дорогими сердцу письмами. Простенький, сотворенный воздушной магией замок, наверное, показался безопасникам детской игрушкой по сравнению с по-настоящему сложными артефактами.

Впрочем, чего я ждала? Что после того как сестра, презрев супружеский долг, сбежала неизвестно с кем от самого герцога Голдена, фактически являвшегося вторым лицом в империи, меня сочувственно поглядят по спинке, нальют свежую кружку какао и отпустят восвояси?

Как бы не так.

И тут меня накрыло.

Письма. Если лорд Коул видел их, мог ли он догадаться... Нет-нет, только не это! Волна дрожи прокатилась по телу. Холодный пот заструился между лопатками, пропитывая платье. Я поспешно опустила взгляд на сцепленные на коленях руки, молясь всем богам, чтобы слухи о том, что сильные маги разума способны читать мысли даже без зрительного контакта, оказались лишь слухами.

Над переносицей заняло. Мне показалось, что я физически почувствовала на себе пыливый, изучающий взгляд.

Если лорд Коул поймет, что я скрываю, моя жизнь и жизнь сбежавшей сестры будет кончена! Мама, а потом и Мэрион не уставали повторять об этом при каждом удобном случае: «Никто не должен знать, Эверли! Никто и никогда!»

— Я... — Стоило немислимых трудов не скатиться в истерику. Нервное состояние повышало температуру тела, разжигая внутренний огонь, а допустить этого было нельзя, нельзя, нельзя! — Мне казалось, она упоминала его... — Ну же, Эв, успокойся и вспомни! Должно же найтись хоть словечко! — Да, точно. На первом зимнем балу этого года герцог Эдельберт Голден попросил у нее два танца.

— И этого оказалось достаточно, чтобы понять, что ваша сестра равнодушна к случайному партнеру по вальсу, а он готов ответить ей взаимностью? — В голосе лорда Коула послышалась неприкрытая насмешка.

— Два танца подряд, — с невероятным облегчением ухватилась я за спасительную мысль. То, что глава службы безопасности интересовался, откуда я знаю о лорде Голдене, а не вызвал, например, отряд для заключения меня под стражу, означало, что секрет писем Мэр так и остался нераскрытым. — Незамужней девушке не пристало выказывать партнеру подобную благосклонность, если только она не готова принять ухаживания пригласившего ее молодого лорда. Это...

— ...неписаное правило всякой уважающей себя юной леди номер тысяча семьсот тридцать три, — невозмутимо закончил граф. — Безусловно, я, как приличный молодой лорд, должен был догадаться.

— Вообще-то написанное, — зачем-то уточнила я. Лорд Хенсли хмыкнул — то ли скептически, то ли удивленно. — Правильно. Написанное. В учебнике по светским манерам. Мне подавали экземпляр в день выпуска из пансиона. Хотите, дам почитать?

— Пожалуй, откажусь. — Показалось или мне правда на мгновение удалось его смутить? Любопытство моментально взяло верх над осторожностью. Я украдкой посмотрела на графа сквозь полуопущенные ресницы — и тут же встретила с ним взглядом. В аметистовых глазах плясали насмешливые искры. — Не буду лишать вас столь нужного и важного... тома.

Я невольно залюбовалась. Брат Лоррейн был красив породистой аристократической красотой: прямой нос, волевой подбородок, темные волосы до плеч и насыщенный аметист радуж-

ки — признак сильной магии разума в крови. Но мимолетная улыбка добавила какой-то особой прелести и лукавой хитринки обычно строгому лицу.

А может, просто утренний свет из окна придал усталому взгляду нездоровый блеск и удачно оттенил бледность кожи и синяки под глазами — не иначе как после ночи, проведенной за бумагами. Вот вам и романтика шпионской жизни, существовавшая исключительно в воображении Лоррейн. Бумажная работа вместо погонь и взлом девичьих сундучков вместо сверхсекретных заданий.

— Вы еще здесь? — вырвал меня из раздумий голос графа. Я недоуменно хлопнула ресницами и вдруг осознала, что невесть сколько времени беззастенчиво рассматриваю едва знакомого мужчину. У которого, между прочим, было полным-полно работы помимо того, чтобы разбираться с опозоренными компаньонками. — Можете быть свободны.

— Я... уволена?

— Не я нанимал вас, мисс Вестерс, не мне и решать вопрос о вашем увольнении. На данный момент, — он многозначительно посмотрел на меня, — вы ничем не скомпрометировали себя, чтобы я отказал вам от дома. К тому же вы каким-то чудомладили с Лоррейн. Мне бы не хотелось подыскивать ей новую компаньонку в разгар сезона.

— Значит, я могу остаться? — не веря своим ушам, переспросила я. — Правда-правда?

— В моем кабинете? Однозначно нет. В свите графини Хенсли — разумеется, да. Если поторопитесь, успеете присоединиться к ней во время прогулки в саду. И, уходя, заберите, пожалуйста, вот это. — Он пододвинул ко мне мой сундучок. Удивительно, все это время тот находился на столе — только руку протяни, а я от волнения и растерянности умудрилась совершенно его не заметить. — Еще раз прошу прощения. Это была необходимость: если герцог потребует расследования, чтобы аннулировать брак, вы будете проходить как свидетель. Но лично я буду настаивать, чтобы разбирательства обошли вас стороной. Как оказалось, в поисках леди Голден вы нам не помощник.

— Извините, — честно ответила я. — Я сообщу, если что-то узнаю.

— Хорошо. А теперь, если вам нечего добавить к сказанному, будьте любезны...

Не дождавшись окончания приказа, я поспешно подхватила сундучок и выскочила вон.

Я солгала. Мне было что добавить к сказанному. Вот только поведение сестры, равно как и ее местонахождение, от этого яснее не становилось.

Идти в сад, где по утрам прогуливались дебютантки, с сундуком под мышкой было по меньшей мере неразумно, и поэтому я решила сперва забежать к себе. Комнаты дворцовой прислуги занимали весь четвертый, чердачный, этаж гостевого крыла. Для горничных выделялись общие спальни на три-четыре кровати, мне же как личной компаньонке молодой графини полагалась целая комнатка с окном, где, едва ли не наползая друг на друга, уместились кровать, шкаф, сундук и табуретка, под одну из ножек которой для равновесия был подsunут учебник по светским манерам. Столу места не хватило, и в качестве него я с успехом использовала подоконник.

В комнате отчетливо ощущались следы чужого присутствия. Вещевой сундук был закрыт, и даже небольшой навесной замочек аккуратно пристроен на место, но влажное полотенце, которое я в спешке бросила на крышку, висело теперь на спинке кровати. Дверца скрипучего старого шкафа, прежде болтавшаяся на одной петле, оказалась починена, постель убрана. Спасибо добрым господам стражникам — несмотря на вопиющее нарушение приличий, я время от времени забывала привести комнату в порядок.

В голове почему-то возник образ лорда Хенсли, застывшего на единственном свободном от мебели квадратике пола. Вообразить картину целиком было сложно — я вообще с трудом представляла, как он при его росте поместился бы в крохотной комнатке со скошенной низкой крышей. Интересно, а кровать после тщательного досмотра он сам заправлял или попросил кого-то из подчиненных?

Я помотала головой. Нет, ничуть не интересно.

И тут взгляд наткнулся на нечто странное.

На подоконнике лежало письмо.

Маленький желтый конвертик с сургучной печатью притягивал к себе точно магнитом. Я вцепилась в него дрожащими руками, глядя на ровные аккуратные строчки.

«Для мисс Эверли Вестерс, лично в руки.

Императорская резиденция, верхние покои графини Лоррейн Хенсли».

Обратного адреса не было.

Вне всякого сомнения, письмо было от Мэрион. И доставили его совсем недавно, иначе лорд Коул знал бы о нем и задавал бы,

наверное, совсем другие вопросы. Я почувствовала, как нервно и быстро забилося сердце. Мэр не забыла обо мне. Что бы ни случилось, она никогда не заставила бы меня мучиться неизвестностью и гадать, все ли в порядке. И вот оно, живое тому подтверждение!

«Моя дорогая Эверли!

Не знаю, как рассказать обо всем, что случилось с тех пор, как я в последний раз писала тебе. Ты, наверное, проклянешь меня за то, что я сделала, но молю тебя, милая сестра, быть снисходительной к бедному горячему сердцу. Я наконец встретила свою настоящую любовь, ту самую, о которой прежде мы с тобой читали лишь в книгах. И это не герцог Голден, как ты, должно быть, подумала. Нет. О нет, нежная моя Эверли!

Его зовут Дик, и он конюх. Он служит — служил! — в доме его сиятельства на Дворцовом острове, где мы с супругом решили провести медовый месяц. Поначалу я не обратила на него внимания, но однажды, когда я захотела прокатиться верхом, а лорд Эдельберт был слишком занят, чтобы составить мне компанию, Дик вызвался подобрать лошадь и показать округу. Мы провели вместе целый день — волшебный, удивительный день, а по возвращении в поместье уже не представляли жизни друг без друга.

Конечно же нам пришлось скрывать наши чувства ото всех. Я всегда находилась при муже, а Дик — в конюшне, и придумать благовидный предлог для свидания было невероятно трудно. Ох, Эверли, ты не представляешь, что мне пришлось пережить в те ужасные дни, как тяжело было моему истерзанному сердцу! Но Дик, мой верный Дик, предложил план, исполнив который, мы смогли бы быть вместе. Он узнал, когда герцога не будет дома, и в ту же ночь мы сбежали. В кромешной темноте пересекли залив, ютясь вдвоем в маленькой рыбацкой лодочке, а к утру уже были на материке в Боствилле, откуда я и пишу тебе это письмо.

Не ищи меня. Для нас с Диком будет лучше, если о нас забудут. Продолжай вести тихую жизнь и не держи на меня зла. Надеюсь, ты, как и я, найдешь свою любовь и обретешь счастье. Я буду молиться, чтобы так и случилось. Ты всегда будешь в моих мыслях и в моем сердце.

С любовью, твоя драгоценная сестра Мэрион».

Я перевела взгляд с исписанной страницы за окно, туда, где за много-много километров от меня находился Боствилль. Подумать только, мы разминулись в порту всего лишь на неделю!

Попыталась представить Мэрион — счастливую, влюбленную, скачущую на быстроногой кобылице бок о бок с пылким молодым конюхом.

И не смогла.

Я вдруг поняла, что совсем не знаю сестру. За последний год мы отдалились друг от друга, а после ее встречи с герцогом на зимнем балу письма и вовсе стали приходить все реже и реже. И... к своему стыду, я понимала, что и сама уже не ждала их столь же жадно, как раньше. Светская жизнь сестры не вызывала у меня прежнего интереса, а туманные намеки и обещания, что еще немного и мы с ней сможем зажить как полагается, ни в чем и ни в ком не нуждаясь, занимали меня куда меньше веселых шалостей и безобидных мечтаний Лоррейн.

Все наши годы в приюте Мэр упорно пробиралась наверх, грезя о богатстве и высоком положении в обществе. Мне же отводилась роль восхищенной наблюдательницы. И я восхищалась — настойчивость и упорство сестры вкупе с недюжинным умом и красотой никого не могли оставить равнодушным. Но за время разлуки это чувство поблекло, вытесненное ежедневной рутинной компаньонки молодой графини.

Я знала, что поначалу никаких чувств к герцогу Голдену у Мэр не было. Она отзывалась о нем трезво и прагматично. Но потом у писем будто сменилась тональность. Восторгов стало больше, страниц — меньше. И я робко предположила, что Мэр изменилась. Что ощутила любовь и поняла, как и я, что в мире есть не только злые, черствые и равнодушные люди, коих мы в избытке встречали в приюте. Я думала, что она наконец узнала настоящее счастье.

И вдруг — такое...

Взгляд опустился на штамп. Действительно, четвертый почтамп Боствилля, дата — почти две недели назад. Видимо, отправление корреспонденции задержали из-за недавнего шторма. Магические послания беспрепятственно перелетали залив в любую погоду, но Мэр купила самую дешевую марку, и потому ее письмо так долго пылилось на складе.

Впрочем, чего еще стоило ожидать? Сестра всегда отличалась прагматичностью, и даже любовные переживания не мешали ей спланировать все детали побега. Скорее всего, она рассчитывала, что я получу ее письмо уже после того, как шумиха немного утихнет. А значит...

Дешевые чернила просвечивали сквозь тонкую казенную бумагу с оттиском почтового герба в уголке. Я приложила ладонь к

листу, зажмурилась. Крохотную комнатку озарила вспышка света. Полупрозрачный кристалл камня силы на тонкой атласной ленте моментально полыхнул насыщенно-алым, напивтаясь от тела иной, более привычной магией — магией огня, моей главной и самой страшной тайной. Кожу обожгла горячая волна...

— Проклятье!

Зашипев от боли в обожженных пальцах, я отбросила в сторону смятый лист. Тонкая бумага тлела по краям, на обратной стороне письма красовался едва заметный след ладони. И... ничего.

Огненная магия, которую я по наущению Мэрион и мамы скрывала, притворяясь слабой воздушницей, должна была проявить особые чернила, в которые сестра добавляла капельку парной природной силы. Таким нехитрым способом мы прятали наши самые сокровенные послания. Каждое письмо Мэр, с виду невинное и лаконичное, содержало хотя бы несколько строк, скрытых от глаз чужаков — соседок-доносчиц, строгих воспитательниц приюта, недобрых людей и всех, кто мог и наверняка хотел навредить нам.

Мама повторяла об этом день за днем, пока еще была жива: «Никогда и никому не открывайте правду о способностях к нескольким видам стихий, молчите, прячьтесь, доверяйте только друг другу». И Мэр верила, а вместе с ней верила и я, хотя тайные послания и измененный цвет камня силы казались просто веселой забавой, сближавшей меня с сестрой.

Никому не было дела до двух сирот, живущих на краю империи. И если бы не амбиции Мэрион, вытацившие нас наверх, скорее всего, так оно и оставалось бы.

Вместо того чтобы выполнить завет матери, сестра затеяла какую-то странную игру. Сначала был Вест-холл, затем — назначение к Луноликой императрице и сближение с высшей придворной знатью, а после — туманные обещания скорого богатства и возвышения над нищетой сиротского приюта. Мэр не делилась деталями. Из десятка писем, написанных невидимыми чернилами на обороте надушенных листков, я поняла только, что это как-то было связано с магией и герцогом Голденом. Иногда упоминался кто-то третий, но даже в скрытых посланиях сестра не называла его имени.

Слова звучали загадочно и рождали в душе смутную тревогу. Я всерьез беспокоилась о сестре, справедливо опасаясь, что заговоры и секреты не доведут до добра, но к моим робким

просьбам оставить все как есть и довольствоваться тем, что мы уже имели, Мэр оставалась безучастна. Она упрямо шла к своей цели и даже между пылких строк, восхваляющих герцога Голдена, умудрялась втиснуть обещание, что еще немного — и все изменится. Она уже близка, она почти докопалась до истины...

И вдруг — побег.

Я подняла испорченный лист и с подозрением уставилась на него. Столько месяцев я убеждала сестру отказаться от неведомого плана, но и предположить не могла, что письмо без магической приписки испугает меня сильнее туманных обещаний скорого богатства, которое свалится на нас из ниоткуда, мгновенно превратив двух нищих сироток в первых леди империи.

Не могло такого быть, чтобы Мэр отказалась от своих многолетних планов из-за внезапно вспыхнувшего чувства. Или могло? Или все это не более чем очередная маска? Но мне-то сестра уж точно должна была довериться.

Или нет?

Буквы путались, разбегались перед глазами, складываясь в пустые слова о любви и страсти, подходящие скорее героине дешевого романа, нежели прагматичной и здравомыслящей Мэр. Казалось, мне принесли письмо какого-то совершенно чужого, незнакомого человека. Эти пылкие признания, импульсивные решения, это «не ищи меня» и отсутствие даже намека на магическое послание. Как будто кто-то другой написал за нее эти строки, а потом попытался убедить меня, что именно такой была моя сестра.

Глупость, конечно. Если кто-то и изменился, предав старые клятвы, то это я, а не Мэрион. Это я забыла о ней, променяв сестру на новую подругу, а когда осознала, стало уже слишком поздно. И вместо того чтобы смириться с выбором Мэр и от всего сердца пожелать ей любви и счастья, я зачем-то выдумываю нелепые объяснения в виде поддельных писем. Какая бессмыслица.

Убрав письмо в сундучок, я оправила платье и засобиралась в сад, надеясь, что еще успею застать Лорри, пока та не попала в цепкие лапы гувернеров. Но как ни старалась отвлечься от мрачных мыслей, беспокойство точило изнутри, заставляя сердце биться быстрее.

Что, если предчувствие не обманывало меня? Что, если последнее письмо — странное, неправильное — написала не Мэр?

ГЛАВА 3

Сад Солнцеликого, или попросту Дневной сад, как между собой называли его слуги, зеленым квадратом обрамлял императорский дворец. Считалось, что к его основанию приложил руку первый император Айоны, объединивший под своей властью семь враждующих герцогств и семь граней магии.

Буквально.

По легенде Солнцеликий, высадившийся на остров вместе с ближайшими доверенными помощниками, вытянул вперед руку и совершил чудо. Непрístupные скалы разгладились, превратившись в пологие холмы, покрытые нежной зеленой травой, болота высохли, деревья вытащили из земли корни и выстроились точно на марш, формируя ровные, как по линейке, аллеи. Звери и птицы со всех краев Айоны заселили охотничьи угодья, а прямо перед тем местом, где позже был выстроен парадный въезд во дворец, забил из-под земли родник, давший воду для каскада прудов и фонтанов. Даже солнце, ветра и тучи покорились невероятной мощи императора. Поговаривали, что на Дворцовом острове дождь и снег идут в точном соответствии с графиком увеселений Солнцеликого, но за три недели, проведенные здесь, у меня пока не было возможности это проверить.

Такова была сила, которой покорялись стихии.

Истории о подвигах первого императора, объединившего Айону и давшего начало династии, способной управлять всеми гранями магии, казались мне удивительной волшебной сказкой. Книга преданий, тайком стащенная из скудной городской библиотеки, была моей любимой: великие сражения, опасные враги и верные союзники, а главное, женитьба на принцессе соседней Варравии, в которую Солнцеликий всю жизнь был безумно влюблен, скрашивали унылые серые будни приютской воспитанницы. Мэр же, глядя на это, только смеялась. Ей куда больше нравилась прагматичная версия чудесной легенды, согласно которой территорию под дворец общими усилиями расчистили для первого Солнцеликого подчиненные маги, получившие в награду за несомненный талант потакать монаршим прихотям титулы герцогов и обширные наделы в богатых регионах Айоны.

Я вспомнила, как Мэрион беззлобно поддразнивала меня, удивляясь, как легко я готова поверить в сказки, и на душе стало горько. Что же все-таки случилось с ней на самом деле? Была ли это, как судачит двор, внезапная безумная влюбленность, заста-

вившая разумную девушку совершенно потерять голову, или же дело совсем в другом? Я боялась даже предполагать.

Несмотря на огромные размеры Дневного сада, Лоррейн я отыскала на диво легко — дворец возвышался над окрестными холмами, и с верхней ступени парадной лестницы передняя часть сада с тенистыми аллеями, невысоким зеленым лабиринтом и прогулочной зоной вдоль фонтанов была как на ладони. На фоне изумрудной травы стайка дебютанток в белоснежных платьях сразу же бросалась в глаза. Девушки столпились у раскидистого дуба и звонко хихикали. Само собой, Лорри должна непременно быть среди них — пропустить общее веселье для нее было бы невымыслимым преступлением.

Объект хихиканий и перешептываний, молодой рыжий садовник, стоял на высокой стремянке посреди белого озера из щебечущих девиц и стоически пытался приладить на толстую нижнюю ветку дуба веревочные качели под щебетание юных дебютанток. Советы сыпались на него со всех сторон: «правую сторону выше», «слишком далеко», «слишком близко», «Линдси, смотри, какие у него большиие руки... Ой, извините, сэр, я думала, вы не слышите!» — и бедный юноша взмок, пытаясь одновременно угодить всем и сразу и удержаться на шаткой стремянке.

Наконец ему удалось — непослушный узел затянулся и качели с изящно выточенной скамеечкой опустились с ветки прямо в протянутые руки дебютанток. Девицы разразились восторгами и тут же бросились к садовнику, наперебой выражая свое восхищение его работой. Стремянка опасно покачнулась, не выдержав одобрительного напора почти двух десятков девиц. Юноша дернулся в отчаянной попытке удержать равновесие, но вышло только хуже. Послышался скрип, визг, сдавленное оханье. Дебютантки бросились врассыпную испуганной стайкой птиц. И...

Ничего дурного не случилось. Подхваченный воздушной магией в метре от земли, юноша мягко опустился на твердую поверхность. Взгляд без труда выхватил в девичьей группке магичившую дебютантку со сверкающим камнем силы в ложбинке между ключицами. Лорри конечно же. Ничуть не взволнованная случившимся, она выступила вперед и сверкнула на растерянного садовника смешливыми изумрудными глазницами.

— Все в порядке, сэр? — участливо поинтересовалась она. Юноша растерянно кивнул, веснушчатые щеки покраснелись. Я усмехнулась про себя, наблюдая за веселой сценкой. Да, чув-

ствую, зеленые глаза и пшеничные кудри молодой графини Хенсли будут еще долго преследовать садовника в снах. Лорри же, точно не заметив произведенного ею эффекта, улыбнулась, чем окончательно вогнала юношу в краску: — Вот и славненько. Спасибо за помощь, сэр.

Подхватив с земли упавшее кепи, садовник спешно ретировался. Дебютантки разделились: три девушки принялись проверять качели, разом уместившись на узком сиденье, и теперь весело болтали ногами, с визгом взлетая в воздух, остальные же наперебой поздравляли Лоррейн с удавшейся затеей:

— Луноликая будет в восторге!

— Уверена, когда мы предложим ей, она ни за что не откажется покачаться!

— Как же здорово ты придумала отыскать в саду этого малого! Он справился в два счета, будто только и ждал приглашения повесить для нас новенькие качели.

— А может, и ждал...

Лорри довольно улыбалась и согласно кивала в ответ на предложения организовать на поляне послеобеденное чаепитие. Но стоило ей заметить меня на главной аллее, как юная графиня засияла, точно полуденное солнце. Перебросившись парой фраз с подругами, она без промедления направилась ко мне. В изумрудных глазах сверкали хитрые искорки.

— Эв! — Она помахала мне рукой, привлекая внимание. — Как я рада, что ты нашла меня! Я уж боялась, что придется сбегать с занятий и разыскивать тебя по всему дворцу.

Я тихо фыркнула — боялась она, как же. Судя по предвкушающей улыбке, Лорри с удовольствием воспользовалась бы любым предлогом, лишь бы не строить из себя благовоспитанную леди под надзором строгой гувернантки. Поиски пропавшей компаньонки — чем не веселая игра?

— Леди Лоррейн...

Она закатила глаза и недовольно наморщила носик.

— Эв, сколько раз я просила тебя не называть меня так. Когда я слышу, как ты говоришь «леди Лоррейн», — передразнила она, — кажется, будто мне не восемнадцать, а восемьдесят.

— Прости... — Я покосилась на дебютанток за спиной Лорри и смиренно добавила: — Простите, миледи.

По-своему истолковав мой ответ, Лоррейн шагнула ко мне и, взяв за руку, решительно потащила к ближайшей беседке. Из-под скамейки сонно высунул голову лопоухий щенок — наверное, питомец того самого садовника. При виде нас малыш

сверкнул золотисто-зеленым взглядом, дружелюбно вильнул хвостом и вновь задремал, свернувшись клубком в прохладной тени.

Как только плотная стена плюща отрезала нас от любопытных взглядов дебютанток, графиня Хенсли выпустила мои пальцы. Придирчиво оглядела с головы до ног и вдруг выпалила:

— Рассказывай, Эв, рассказывай скорее! Я по глазам вижу — что-то случилось! Неужели он все-таки решился?

Я недоуменно хлопнула ресницами, сбитая с толку внезапным порывом Лоррейн и совершенно непонятным «он».

— Кто?

— Мой брат! — Лорри нетерпеливо топнула ножкой. — Неужели он признался тебе в нежных чувствах, а потом прижал к книжным полкам решительно и властно, не в силах больше сдерживать рвущуюся наружу страсть? Скользнул руками по нежному телу, рождая в твоей груди ответное томление, а потом наклонился и накрыл своими губами твои трепещущие, дрожащие губы?

— Что?.. — Я попробовала вообразить себя, притиснутую мрачным начальником императорской службы безопасности к стене его кабинета, и содрогнулась от ужаса. Представшая взору сцена скорее напоминала допрос в пыточной, чем прелюдию к любовной игре.

— Но мне сказали, — Лорри задумчиво нахмурилась, — что он звал тебя сегодня утром.

— Звал, — неохотно подтвердила я. — Но... разумеется, не за этим.

— Значит, никаких поцелуев не было?

— Нет! Конечно нет!

— Нет? — Глаза Лоррейн загорелись. — Неужели он зашел еще дальше? Подхватил тебя, усаживая на край стола, притянул к себе, заставив бесстыдно обхватить его бедра ногами? Окинул жадным темным взглядом хрупкое девичье тело...

«А потом разложил на темной столешнице, прижав руки и ноги стопками неразобранных документов, начертил посреди кабинета гептаграмму и принес в жертву древним богам, чтобы заполучить мою силу и все мои тайны. Удобно — и даже допрашивать не надо», — пронеслась в голове безумная мысль. Я смутилась. За мимолетное, почти случайное сравнение лорда Коула со жрецами из старых легенд стало стыдно.

Но вслед за стыдом пришло раздражение. И откуда только Лоррейн черпала вдохновение для своих непристойных фанта-

зий, полагая, будто мы с ее братом равнодушно друг к другу? Да мы встречались-то за год от силы раз десять. И он никогда не проявлял ко мне интереса — если, конечно, не считать сегодняшнего дня, но и это скорее исключение, чем правило.

— И, естественно, — продолжила вещать Лорри, благоразумно опустив самую откровенную часть, — как честный человек он тут же попросил твоей руки. И ты, безусловно, ответила согласием, потому что в глубине души всегда ждала от него решительного шага. А значит, скоро брат объявит о помолвке... Кстати, а где кольцо? Я знаю, в прошлый визит на континент он забрал из отцовского сейфа помолвочный перстень своей матери и теперь хранит его здесь, под рукой...

А вот это уже слишком.

— Да нет же, нет! — Упоминание о помолвке, графе Коуле и честных молодых лордах окончательно вывело меня из себя, и вместо того чтобы привычно отшутиться в ответ на обычное, в общем-то, проявление буйной фантазии Лоррейн, просыпавшейся к месту и не к месту, я сорвалась: — Между нами ничего не было, нет и никогда не будет!

Выкрикнула — и тут же остро пожалела об этом, увидев, как оживление на лице Лоррейн сменилось недоумением, растерянностью и обидой. Раньше я никогда не позволяла себе грубости в отношении Лорри, предпочитая промолчать, но сейчас сдержанность изменила мне в самый неподходящий момент. Да к тому же, забывшись, я выпалила последние слова так громко, что через секунду сюда наверняка должна сбежаться половина Дневного сада. Что может быть привлекательнее для сплетников и губительнее для репутации, чем зарвавшаяся компаньонка, позволившая себе повысить голос на высокородную леди?

И после такого меня уж точно уволят безо всяких рекомендаций.

— Леди Лоррейн...

Она посмотрела на меня со всепрощающим участием.

— Мы здесь одни, если не считать этого малого. — Она махнула рукой на скамейку, под которой спал щенок. — Так что можешь звать меня Лорри. И кричать сколько вздумается — я поставила завесу тишины. Эв... — тонкие пальчики легли на мой локоть, — прости, если сказала что-то не то. Я просто хотела тебя развеселить. Ты сегодня сама не своя — смотреть больно.

— Извини... те... Извини.

— Расскажи, что случилось, — мягко попросила она. — Я помогу. Если Коул тебя обижает, обещаю на следующей прогулке

побить его зонтиком. И не своим, а Норры — видела, какой он тяжелый, с резной рукояткой. Получить таким по голове ой как больно. Ой-ой-ой! А если это не Коул — тем более. Только скажи — я ради тебя на все готова. Даже... даже... — Она на секунду задумалась, и выдала: — Даже надеть Норре полный ночной горшок прямо на голову, а потом выслушать многочасовые нотации от Коула. Честно-честно, буду молчать как рыба и никогда не признаюсь, почему это сделала.

Предложение было настолько заманчивым, что я не удержалась от слабой улыбки.

— Вот видишь! — Лорри расцвела, довольная тем, что таки сумела меня отвлечь. — Я тебя всегда защищу, а от злобных когтей меланхолии — тем более! Так что случилось?

По-хорошему, нужно было перевести тему, выдумать какое-нибудь безобидное оправдание и позволить Лорри найти решение проблемы, а потом переключиться на новые загадки. Ни к чему вовлекать активную и деятельную графиню в чужие проблемы. Но мне было так тревожно за Мэр, так тяжело на сердце, что я призналась.

— Моя сестра-близнец, Мэрион... помнишь, я рассказывала тебе о ней? Она... — я вздохнула, собираясь с духом, — сбежала от собственного супруга, герцога Эдельберта Голдена, и теперь скрывается неизвестно с кем.

Я ожидала, что мои слова оттолкнут юную графиню — о подобных вещах, какими бы романтичными они ни казались впечатлительным молодым леди, не принято говорить вслух, разве что в качестве назидания, — но вместо того чтобы возмутиться или ужаснуться, Лорри сочувственно сжала мое предплечье.

— Я знаю, — только и сказала она. — Дебютантки сплетничали во время прогулки, но я запретила всем, кто не хочет потерять мою дружбу и хорошее расположение, приставать к тебе с расспросами. Да и сама собиралась молчать. Можешь не говорить ничего, если не хочешь. Это касается только тебя, твоей сестры и герцога Голдена.

— Дело в другом. Сегодня утром я получила письмо, в котором сестра попросила меня больше не писать ей и не искать встречи. Сказала, что так будет правильно, что лучше, если о них с Диком все забудут. Но... — Я сглотнула тяжелый ком, и слова полились сами собой, горькие и отчаянные: — Я не могу, Лорри. Не могу! Мне кажется, Мэр — такая, какой я помню ее по нашей прежней жизни, — никогда не поступила бы так со мной. Ее последнее письмо должно было все разъяснить, но я только

больше запуталась. Эти строки, эти слова... их как будто написал совсем другой человек. И я боюсь... боюсь, что с Мэр что-то случилось. Что ее похитили, заставили...

— Думаешь, это сделал тот самый таинственный конюх Дик? Или враги герцога при дворе? А может, сам герцог инсценировал побег, чтобы...

— Я не знаю, не знаю! — Нос предательски шмыгнул. — Лорд Хенсли пообещал, что служба безопасности с этим разберется, но нетрудно догадаться, чью сторону они примут, если его сиятельство будет настаивать на разбирательстве.

— Коул никогда так не поступит, — вступилась за брата Лоррейн. — Он защитит тебя.

Но я не разделяла ее оптимизма.

— Разве? Подумай сама: слово безродной девицы из провинциального при... пансиона против слова второго человека в свите Солнцеликого императора. К кому скорее прислушаются люди, стража, суд? Куда проще выставить Мэрион неверной супругой, чем искать настоящую причину побега. Мама и сестра были правы. Всем наплевать...

— Неправда! — пылко выпалила Лорри, вскинув сжатые кулачки. — Мне не все равно, что случилось с твоей сестрой! И если во всей Айоне не найдется ни одного человека, которого заботила бы судьба пропавшей Мэрион Вестерс, значит, мы сами отыщем ее! Вот увидишь!

— Лорри... — Я посмотрела на юную леди Хенсли, не в силах справиться с изумлением. Она казалась как никогда серьезной и очень решительной. И, кажется, по-настоящему хотела мне помочь. — Ты не обязана...

— Обязана, — отрезала она. — Ты моя подруга, а друзья — это когда один за всех, а все за одного. Разве ты бы бросила меня в беде, пусть даже все вокруг не пожелали бы тебе помогать?

— Что? Нет конечно же нет!

— Вот и я поступаю так же. — Она крепко сжала мою руку. — Пойдем!

— Куда?

— Для начала покажешь мне то самое письмо Мэрион, если ты, разумеется, не против. Я стащила у брата несколько книг по криминалистике, уверена, там есть что-то о подделках и анализе почерка. Вернемся в мои покои и начнем наше расследование. Первое дело великой леди-детектива Лоррейн Хенсли и ее бесшумной помощницы мисс Эверли Вестерс — таинственное исчезновение герцогини Мэрион Голден — объявляю открытым!

ГЛАВА 4

— Правее... Нет, левее... А теперь немножечко выше...

— Пытаюсь, — вздохнула я, покрепче закусив губу от напряжения. Перед внутренним взглядом в облаке черных точек плясал иллюзорный образ зеркала, реального двойника которого я сейчас удерживала напротив своей спальни с помощью тонкой воздушной паутинки, пока Лорри магией пыталась нащупать защелку с обратной стороны окна.

— Ровнее, ровнее держи, Эв! Пожалуйста, сконцентрируйся.

Я послушно зафиксировала зеркальце и с тоской посмотрела на лежавшие на коленях пяльцы с неоконченной вышивкой. Вот уж чему точно не помешало бы быть ровнее. Рукоделие, откровенно говоря, не было моей сильной стороной. Но кому-то из нас двоих нужно было создавать видимость усердной работы, пока вторая занималась тайной добычей писем, так что выбора не было. Через час леди Норра должна была зайти за Лоррейн и заодно получить новый платок, раз уж неугомонная графиня Хенсли вместо прогулки вдруг ни с того ни с сего изъявила желание заняться рукоделием.

Увы, использовать воздушную магию и одновременно вышивать получалось не очень. Тонкая игла дрожала в пальцах, норовя воткнуться куда-то не туда, нитки путались, грозя испортить и без того неидеальную вышивку пушистого котенка. Внутренний огонь, моя настоящая сила, настойчиво подкидывал картинки весело горящего батиста, искушая радикальным решением проблемы, но я стойчески гнала их прочь, концентрируясь на том, чтобы ровно держать зеркальце для Лоррейн.

Сама зачинщица тайного проникновения со взломом уселась на подоконнике, откуда, точно кукловод, управляла невидимыми воздушными руками, пытаясь направленным потоком воздуха вытолкнуть щеколду. Станный способ добычи писем из закрытой комнаты был вычитан ею в каком-то модном шпионском романе. Я подозревала, что горе-автор попросту написал первое, что пришло в голову, но Лорри вцепилась в идею крепче любимого бульдога старшего графа Хенсли. В конце концов, не ее вина, что правила приличия не оставили леди законных способов получить желаемое: появление знатной особы на этаже слуг было делом немыслимым, мне же как наемной компаньонке полагалось неотступно следовать за Лоррейн, охраняя честь и добродетель юной графини. Разумное решение подождать до утра и посмотреть письма после завтрака было решительно от-

вергнуто — день казался Лорри вечностью, а она не готова была терпеть ни одной лишней минуточки.

— Отлично! — В голосе графини послышалось ликование. Похоже, задвижка наконец поддалась. — Где письма?

— В сундучке на кровати. Подожди, я сейчас.

Развезать собственную магию было куда проще, чем наложить. Легкий щелчок пальцев — и замок открылся. У окна взвизгнула Лорри, наблюдавшая за моей комнатой через наклоненное зеркальце.

— Получилось, Эв, получилось! — довольно воскликнула она, пугая любопытного ворона, наблюдавшего за нашими манипуляциями с ближайшего каштана. Соскочив с подоконника, графиня чинно уселась в кресло напротив меня. — Сейчас-сейчас. Летите ко мне, мои маленькие крылатые вестники!

Несколько секунд ничего не происходило. А потом, точно стайка бумажных голубей, в открытое окно будуара юной графини один за другим впорхнули желтые конвертики писем. Спланировав через всю комнату, они аккуратно опустились на белоснежную юбку дебютантки. Лорри довольно захлопала в ладоши.

Из-под кресла было извлечено клетчатое фетровое кепи, по всей видимости принадлежавшее раньше кучеру графа Хенсли, и потертое пенсне без стекол. На стол легла массивная библиотечная лупа и толстый том с золотым тиснением «Криминалистика. Продвинутый курс для слушателей Лонбургского университета». Вероятно, Лоррейн считала, что атрибутика «великого сыщика» придавала ей значительности, но в сочетании с кипенно-белым платьицем дебютантки выглядело это донельзя комично. Хорошо, что мне удалось отговорить ее от рисования закрученных усиков угольком из камина, — в случае внезапного появления леди Норры объяснить подобный маскарад было бы решительно невозможно.

— Что ж, приступим, — прочистив горло, низким «мужским» голосом проговорила Лорри. — Мисс Вестерс, с какого письма мне начать экспертизу?

— Можешь читать с первого. Оно в белом конверте с синим штампом.

Перебрав «голубей», Лорри отыскала нужный конверт. Проворно вытащила сложенный вчетверо лист — и вдруг замерла, так и не развернув его. Зеленые глаза вопросительно взглянули на меня.

— Ты точно-точно не против? — привычным тоном уточнила она.

— Конечно, детектив Хенсли, — улыбнулась я, видя, как расцвела Лоррейн от такого обращения. — Они ваши.

На некоторое время в будуаре графини повисло молчание. Лорри шуршала страницами, взгляд скользил — вправо-влево, вправо-влево — по ровным строчкам. Я честно пыталась сосредоточиться на вышивке котенка, но терпеливое ожидание давалось с трудом. Стоило сделать стежок — и взгляд тут же перескакивал с пушистой мордочки на сосредоточенное личико погруженной в чтение Лорри. Усилием воли я заставляла себя вернуться к работе, но через три секунды все повторялось заново.

Время, выделенное на рукоделие, показалось вечностью. Минутная стрелка за толстым стеклом напольных часов лениво ползла к полудню. Терзаемый иглой котенок без носика и глаз в моем исполнении больше напоминал шерстяной мяч, чем живое существо.

Я нервничала. Пусть детективные способности Лорри, почерпнутые из дамских романов и умных книг лорда Коула, и не вызывали особого доверия, мне все равно хотелось узнать ее мнение о письмах. Было немного неловко — за то, что я поделилась чем-то настолько личным, за редкие и скупые упоминания Мэр, из-за которых у Лоррейн могло сложиться странное мнение о жизни и характере моей сестры, за то, что вовлекла постороннего, в сущности, человека в собственные проблемы. Я знала: Мэрион не одобрила бы моего решения. Но я не могла поступить иначе. Я должна была узнать правду, а сделать это в одиночку, будучи бесправной компаньонкой в огромном дворце, полном загадок и тайн...

Немыслимо.

— Готово, — наконец возвестила Лоррейн, откладывая последнее письмо и снимая с носа ненужное пенсне. — Дело раскрыто.

Сердце тревожно забилося. Я едва сдержалась, чтобы не вскочить с места и не начать нервно расхаживать по комнате.

— Мисс Вестерс...

— Что? Что?

— Ваша сестра... — юная графиня намеренно сделала паузу для пущего эффекта, — влюбилась.

— Что? Быть такого не может!

Я сама не поняла, зачем вдруг начала спорить, хотя еще вчера тоже была убеждена, что причина молчания Мэрион крылась в

ее чувствах к герцогу. Влюбленность послужила бы прекрасным объяснением, почему мы с Мэр отделились друг от друга: у нее появилась своя жизнь, у меня — своя. Но после побега и странного последнего послания что-то мешало мне просто согласиться и забыть обо всем, смирившись с тем, что я больше никогда не увижу сестру.

— Это же очевидно, Эв! — Лорри выложила на столик передо мной три письма: весеннее, написанное всего через месяц после нашего расставания, зимнее — с описанием того самого бала, где Мэр впервые танцевала с лордом Голденом, и одно из последних, про подготовку к свадьбе. — Неужели ты никогда не замечала, как изменилась за этот год твоя сестра? Письма до встречи с герцогом такие сухие и скучные — была там-то, встретила лорда Эм, понравилась леди Эн. Представление младших фрейлин Луноликой — подумать только! — заняло у нее едва ли пару строк. А потом, — Лорри мечтательно вздохнула, — все вдруг изменилось. Рассказывая о танце с герцогом, Мэрион как будто взволнована. Посмотри: буквы неровные, скачущие, нажим сильный, совсем не такой, как в других письмах. Это любовь, Эв, точно любовь! Твоя сестра влюбилась!

— И что, хватило всего одного танца? — невольно повторила я недавний аргумент лорда Коула.

— Двух, — наставительно поправила Лорри. — Почему бы и нет? Любовь меняет людей. Как она пишет о свидании с герцогом на весеннем балу — «он был огнем, я — текущей водой, но мы не тушили, а лишь распяляли друг друга». Правда, красиво?

Возбуждение Лоррейн невольно передалось и мне. Сердце забилося быстрее. Герцог и вправду взволновал Мэр, но поначалу тон ее тайных посланий, которые Лорри не могла видеть, показался мне скорее деловым, чем восхищенным. Это потом, когда речь в письмах впервые зашла о свадьбе, я вспомнила зимний бал и сиятельного партнера по вальсам. А сейчас слова Лоррейн словно заново открыли мне сестру. Неужели и правда...

Громкий стук каблучков за дверью заставил нас отскочить от стола. Письма закружились по комнате, подхваченные воздушным потоком, и юрко спрятались под кресло. Туда же полетели кепи и пенсне. «Леди-детектив» села в кресле, как подобало приличной юной дебютантке: спина прямая, руки чинно сложены на коленях. За мгновение до того как распахнулась дверь, я успела кинуть Лоррейн пяльцы с вышивкой. Взгляд зацепился за лупу и книгу, которые оказались слишком тяжелыми для воздушных нитей и так и остались лежать на столике. Я потяну-

лась к ним, да так и застыла, пригвожденная к месту недовольным взглядом леди Норры.

— Чем это вы тут занимаетесь, а, мисс Вестерс?

— Эверли собиралась почитать мне, — тоненьким голоском пропела Лоррейн, вышивая многорадальному котенку усы прямо из ушей. — Я только что выбрала нужную главу.

— Вот как? — Гувернантка подслеповато прищурила глаза, но с расстояния в несколько шагов мелкие буквы пособия, на наше счастье, разглядеть было невозможно. — Надеюсь, мисс Вестерс не откажет мне в удовольствии прочесть несколько абзацев вслух.

Аккуратно, чтобы ненароком не засветить обложку, я переложила книгу к себе на колени.

«Средства визуального увеличения текста используются для детального рассмотрения нажима, который является идентификационным признаком для исследования почерковедческих материалов. Замедленности, остановки в рукописи — тоже признаки подделки или письма под давлением. Также опытные специалисты с элементарной магией проверяют образцы на следы графита, так как чаще всего преступник пишет текст карандашом перед тем, как вывести поверх него чистовой вариант».

— Наш первый танец на весеннем балу был незабываемым, — бодро и вдохновенно начала я, усиленно изображая чтение с листа. — Он был огнем, я — текущей водой, но мы не тушили, а лишь распалили друг друга...

— Очень интересно, — скучающим тоном прервала меня леди Норра. Вовремя — об остальных подробностях бала Мэрион умолчала, и пришлось бы выдумывать на ходу. — Надеюсь, роман приличный?

— Разумеется, миледи, — поспешила заверить я. — Все в высшей степени благопристойно. На последней странице герои поженятся и будут жить долго и счастливо, осененные благословением Солнцеликого.

Одарив меня напоследок неприязненным взглядом, леди Норра подошла к Лоррейн и придирчиво рассмотрела вышивку. Брови ее нахмурились, но секунду спустя разгладились.

— Недурно. — Она одобритительно кивнула, возвращая Лорри пальцы. — Апельсин вышел вполне натуралистичным. Надеюсь, вы добавите к нему еще несколько фруктов, чтобы получился полноценный натюрморт. Можете отослать его матушке в качестве подтверждения вашего усердия и прилежания.